

Глава II. Легенда или реальность?

Мэтью Корман («милисьяно» группы интернационалистов колонны):

«Дуррути был сражён пулемётной очередью при выходе из автомобиля. Это оказалось единственной победой “пятой колонны” в Мадриде. “Милисьянос” окружили дом, откуда раздались выстрелы, и уничтожили всех, кто там находился»²³.

Эта версия Кормана была дана нам в более развёрнутом виде другим бойцом колонны, который предпочёл не называть своего имени:

Х. М.

«...Выйдя из Главного штаба на улице Мигель Анхель, Бонилья — эмиссар, посланный Либерто Росом, — Мансана и ещё один человек (не помню его имени) сели в автомобиль.

Подъехав к Пласа Монклоа — наиболее близкой точке к Клиническому госпиталю, — Дуррути попросил водителя остановиться около одного из коттеджей, находящихся на проспекте. Едва машина затормозила, из одного из коттеджей слева раздалась выстрелы по направлению к автомобилю. Пуля прошла окно машины и ранила Дуррути в бок. Как только все опомнились от неожиданности, то побежали к коттеджу, откуда раздались выстрелы; из него выбежали два или три человека. Одного из них настигла очередь, и он тут же скончался. Другим удалось скрыться. У погибшего нашли членский билет НКТ, выданный в Мадриде хлебопекарным профсоюзом. Провели расследование и смогли удостовериться, что его владелец погиб несколько дней до этого происшествия, и родственники заметили: среди личных вещей не было билета НКТ. Таким образом, пришли к выводу: в госпиталя наверняка проникли агенты “пятой колонны”, которые похищали политические документы, чтобы снабдить ими фашистов»²⁴.

Хауме Миравитлес.

В своих мемуарах он пишет, что «спустя год после гибели Дуррути в Барселоне была организована выставка в честь героической обороны Мадрида; в качестве экспоната среди других предметов там находилась рубашка, которая была на Дуррути в день его смерти. Она была развёрнута на витрине, и вокруг толпились люди, пытавшиеся разглядеть отверстие, произведённое пулей, и оборванные края ткани». Миравитлес добавляет, «он был там и слышал комментарии о том, что представлялось невозможным, что дыра не могла образоваться в результате выстрела, сделанного с расстояния двух тысяч футов».

«В тот же вечер, — рассказывает Миравитлес, — я пригласил техников из медицинской лаборатории для осмотра рубашки. Мнения всех совпали: выстрел был сделан с небольшого расстояния».

Спустя несколько дней «на одном банкете, где была и жена Дуррути», он спросил у неё: «Вам наверняка известна правда: как погиб Дуррути?» — «Да, я знаю как», — ответила она. Я настаивал: «Так что же произошло?» Она пристально посмотрела на меня и сказала: «Вплоть до моей смерти я приму официальную версию: что он был убит гражданским гвардейцем выстрелом из окна». Потом добавила, снизив голос: «Но я знаю: его убил некто, находившийся рядом с ним. Это была месть»²⁵.

Пьер Росли.

Пьер Росли, член французской компартии, командир подразделения XI Интернациональной бригады, заявляет: «В день, когда умер Дуррути, 21 ноября, его колонна атаковала с самого утра здание Клинического госпиталя и Приют “Санта-Кристина” (Asilo Santa Cristina). Когда начало вечереть, после ряда неудачных попыток анархисты стояли под стенами госпиталя. Дуррути находился на его командном пункте, перед тюрьмой Модело. Иногда казалось, выстрелы исходили сзади. Дуррути упал, подкошенный насмерть. Шальная пуля? Отскочившая рикошетом? С августа месяца у лидера анархистов появилось много врагов среди старых активистов НКТ и ФАИ. Они упрекали его в насаждении суровой дисциплины, и некоторые обвиняли его в амбициях и сотрудничестве с коммунистами». Несколько минут спустя анархисты его колонны говорили Пьеру Росли: «Дуррути погиб от рук наших...»²⁶.

Михаил Кольцов.

«21 ноября. Шальная или, может быть, кем-нибудь направленная пуля смертельно ранила его при выходе из автомобиля, перед зданием его командного пункта.

Очень жаль Дуррути! Несмотря на анархистские ошибки и заблуждения, он был, несомненно, одним из самых ярких людей Каталонии и всего испанского рабочего движения»²⁷.

Доминик Десанти.

«Перед зданием тюрьмы “Модело”, гордостью Республики, убили Дуррути. О его гибели сказали многое. Но несколько лет назад мы встретили старого анархистского активиста. Он раскaiвался, утверждая и приводя весьма достоверные подробности, что одному из его товарищей было поручено убить Дуррути. “Эта его дисциплина внутри неподчинения — Дуррути намеревался превратить нас в ягнят. Мы, недовольные, ворчали, так же как социалисты и коммунисты. Он требовал, чтобы мы шли в бой, не обсуждая его приказы. Но каждый из нас имел право высказаться по поводу атаки, идти в бой или нет. Его приказы походили на команды «советского» генерала”. Раскаившийся анархист добавляет: “Тогда я не знал: идеологии могут быть разными, но форма сражения едина, и победа — твёрдое правило”»²⁸.

Хьюг Томас.

«21 ноября, пока сражение было в разгаре, Дуррути погиб на линии фронта, перед зданием тюрьмы “Модело”. Говорили, что его сразила шальная пуля из Университетского городка. Но, скорее всего, его убил кто-то из его соратников, некто непокорный, отрицавший новую позицию анархистов — “дисциплины в неповиновении”. Похороны Дуррути прошли в Барселоне. В течение целого дня народ шёл по Авенида-де-ла-Диагональ, линиями в 80 или 100 человек. Вечером двести тысяч человек поклялись в верности принципам Дуррути. Однако его смерть положила конец одному из ярких моментов анархизма».

Пьер Бруэ.

«14 ноября в Мадрид с Арагонского фронта прибывают три тысячи пятьсот человек из колонны “Дуррути”. Жители Мадрида горячо приветствуют их. Дуррути требует, чтобы ему назначили самый опасный участок. Ему доверяют Каса дель Кампо, напротив Университетского городка.

Главный штаб назначает ему военного советника, русского “Санти” (...) 15 ноября на этой линии фронта начинается мощная атака. К вечеру колонна “Асенцио” прорывается в Университетский городок (...). 21 ноября Дуррути убит — наверняка это дело рук одного из его соратников, который расходился с ним в понятиях о дисциплине ввиду риска для жизни в адских условиях непрекращающегося огня противника»²⁹.

Критик «Таймс».

«Дуррути — человек, обладающий огромным авторитетом, — наконец согласился приехать в Мадрид для обсуждения альянса с коммунистами и правительством. Он и его охрана разместились в подземном ресторане на улице Гран Виа, в то время как наверху были слышны взрывы гранат войск генерала Франко. Мадридцы никогда не видели столь мощного вооружения и с энтузиазмом ожидали действий этих отлично вооружённых бойцов.

Дуррути покинул свою охрану, пришёл и достиг соглашения с коммунистами; но пятнадцать минут спустя он был убит агентами анархистской организации под названием “Друзья Дуррути”»³⁰.

Таково мнение литературного критика приложения к «Таймс» в отношении гибели Дуррути. Он обвиняет в своей статье книги «Анархисты» Джеймса Джолла и «Анархизм» Джорджа Вудкока, упрекая авторов в «недостатке объективности»:

«Ни один из авторов, проанализированных нами, не отразил этот эпизод достоверно. Оба принимают версию о приезде Дуррути в Мадрид и то, что он был убит неизвестными личностями. Эту информацию ввиду очевидных причин в те дни распространили республиканское правительство Испании и Коммунистическая партия. Они были заинтересованы в смягчении конфликта между коммунистами и анархистами. Говорили, что Дуррути пал от шальной пули, выпущенной из фашистских траншей. Всё это неправда. Его убили выстрелом в спину, причём свидетелями были многочисленные жители Мадрида. Убийство могло быть представлено как возможное и категоричное свидетельство философии анархизма и особенно конечного конфликта между коммунистами и анархистами.

Группировка “Друзья Дуррути” была основана незадолго его гибели. Её целью было выражение подлинного духа анархизма, противоречащего авторитарным тенденциям коммунизма. Следовательно, являлось логичным, что “Друзья Дуррути” покончили с ним самим. Это было последнее действие в споре Бакунина с Карлом Марксом».

Лица, упомянутые в процитированной статье, и другие, имеющие интерес в темах, связанных с историей войны в Испании, ответили автору в последующем номере «Таймс»³¹:

«Господин директор, — пишет Хьюг Томас, — ваш критик “Анархизма” Джорджа Вудкока категорично утверждает тот окончательный факт, как будто бы он лично присутствовал на месте происшествия, что испанский анархистский лидер Дуррути был убит в 1936 году на улицах Мадрида экстремистской группировкой, иронически известной под названием “Друзья Дуррути”.

Также далее он пишет: “многочисленные жители Мадрида” видели убийцу, и республиканское правительство Испании, и Коммунистическая партия распространили версию, что Дуррути погиб на линии фронта от рук националистов или же “неизвестных лиц”». Ввиду таких утверждений Хьюг Томас указывает: «Было бы чрезвычайно интересно точно узнать, кто же эти “многочисленные жители Мадрида” и, может быть, кто-либо из них опознан именно сейчас. Удивительно, — добавляет Томас, — почему критик газеты думает, что правительство и коммунисты по какой-то веской причине скрывали обстоятельства гибели Дуррути, если таковые были им известны? Напротив, нам кажется: ввиду того, что отношения с анархистами в ноябре 1936 года уже были достаточно напряжёнными, коммунисты обратили бы в свою пользу “убийство” Дуррути с целью дискредитации своих товарищей, в особенности тех, кто сопротивлялся подчинению военной дисциплине. И наконец, — завершает английский историк, — имеются ли какие-либо доказательства что группировка “Друзья Дуррути” уже существовала в то время?»

Альберт Мельтцер.

В том же самом номере «Таймс» и сразу же после письма Хьюга Томаса публикуют послание Альберта Мельтцера:

«Ваш критик утверждает, что обладает сведениями о гибели Дуррути, и они намного серьёзнее тех, которые он может доказать указанием достоверных источников информации. Когда кто-либо погибает прямо на улице, в военный период времени, мы можем предположить, что его смерть — дело рук его противников или его соратников. В момент гибели Дуррути находился в районе города, постепенно очищаемом от фашистов. Невозможно, что убийца мог узнать его и покончить с ним, заведомо зная, кого именно убивает. На Дуррути не было особой формы, и убийца стрелял наугад, целясь в наступающих «милисьянос»; это мог быть какой-нибудь франкист (выстрел в Дуррути был произведён в его спину с этажей зданий, всё ещё находящихся под контролем противника). Когда Республика потерпела поражение, целый ряд анархистов высказывали мнение, что Дуррути пал жертвой коммунистов, но это неправдоподобно. Конечно, правда, что смерть Дуррути явилась весьма выгодной с тактической точки зрения для коммунистов, поскольку таким образом исчезал единственный деятель анархистского движения, обладающий

достаточно серьёзным престижем, чтобы препятствовать растущему влиянию коммунистов.

“Друзья Дуррути” возникла через несколько месяцев после гибели Дуррути (организация носила такое название именно в связи с традицией анархистов давать имя своим группировкам “друзья того или иного философа, или умершего активиста”, но никогда в честь ещё живущего). Те анархисты, которые назвались так в Испании (первая группа была основана в Париже), противостояли какимлибо соглашениям с правительством и подчинению компартии. Ваш критик (возможно, “старый товарищ по путешествию”?) смешивает две формы коммунистических нападков на анархистов, когда утверждает, что “Друзья Дуррути” казнила его, так как он вёл переговоры с коммунистами с целью достижения альянса. Это могло бы произойти позднее, по причине влияния русских: оно достигло кульминации после его смерти. В ряде интервью, опубликованных анархистским ветераном Эммой Гольдман, Буэнавентура Дуррути незадолго до гибели ясно высказывал свою позицию. Когда ему задали вопрос о том, не слишком ли он доверялся обстоятельствам, то он ответил: “Я не опасаюсь выбора со стороны трудящихся, если перед ними встанет необходимость избрать наши методы свободы или псевдо коммунизм, который вы видели в России”. Тогда она спросила: “Что могло бы случиться, если бы коммунисты доказали рабочим свою силу, чтобы поставить на повестку дня выбор как таковой?” Дуррути уверенно ответил: “Было бы просто найти общий язык с коммунистами уже после нашей победы над Франко или даже раньше, если будет в том необходимость”».

Мельтцер пишет в заключении:

«Пока Дуррути был жив, это могло быть доказано как достоверное».

Джеймс Джолл.

Также послал свои комментарии литературному критику «Таймс»:

«Исследователи испанского анархизма и гражданской войны в этой стране будут благодарны вашему сотруднику за его вклад в расследование обстоятельств гибели Дуррути. Однако очень печально то, что, настаивая на анонимности своих информаторов, не представляется возможным узнать, кто они, с тем чтобы их показания обрели достоверность и в будущем в исторических описаниях можно было сослаться на них».

В этом втором выпуске Литературного приложения «Таймс», которое мы сейчас цитируем, обвиняемый критик сразу отвечает всем его оппонентам:

«Корреспонденты Томас и Мельтцер рассматривают четыре основных аспекта:

- а) Где был убит Дуррути?
- б) Кто его убил или убили?
- в) Почему они сделали это?
- г) Почему официальная версия оказалась изменённой?

Господин Томас считает, что его убили в Парке дель Оэсте, другими словами — на линии фронта в Мадриде. Мистер Мельтцер соглашается, что он был убит на улице, но что это

сделала группировка “Друзья Дуррути”. Я находился в Мадриде в день преступления, и на месте, где это произошло, — через полчаса после событий. Там было много людей, с которыми я был знаком, по крайней мере знал их в лицо, и среди них — охранники Дуррути. На самом деле у них не было времени связаться со мной, чтобы поведать мне о случившемся.

Дуррути был убит, как верно указывает господин Мельтцер, выстрелом из высоко расположенного окна, но он обезоруживает меня своим утверждением, что действие происходило “в районе города, постепенно очищаемом от фашистов”, но что тем не менее он был убит националистом, который попросту замешался в авангард республиканцев. Я бы порекомендовал господину Мельтцеру проверить его источники информации. Похожий эпизод мог иметь место за много недель до того или спустя много месяцев после. Никакое сражение такого рода против франкистов не могло произойти в Мадриде в те дни.

Не было необходимости в том, чтобы Дуррути носил особую форму для его узнавания. Убийцы ожидали у окна — оттуда они могли держать под контролем выходы из здания, где, как было известно, Дуррути вёл переговоры. Окно располагалось на той же стороне улицы, и именно оттуда был произведён выстрел в спину, как только он вышел из здания. Конечно, любой может в эти моменты отрицать, что убийцы действительно были членами группы “Друзья Дуррути”. Когда господин Мельтцер, не указывая на свои собственные источники, спрашивает о моих, я только могу напомнить ему о природе той войны. Мои источники, могу сказать, имеют свои собственные истоки. Мои информаторы — не те люди, которые в данный момент наслаждаются жизнью в Chatham House³² или в ООН.

Тем не менее вполне возможно (я чувствую себя стеснённым представлять это как помощь в адрес господина Джолла), что кто-либо из американских корреспондентов в Мадриде мог провести свои новости через цензуру, и таким образом представилась бы возможность найти какую-нибудь полезную информацию при просмотре подшивок американских газет той эпохи.

Мистер Мельтцер и Томас ошибаются, согласно моим сведениям, когда указывают, что организация “Друзья Дуррути” не существовала как таковая в момент гибели Дуррути. Её лозунги появлялись на стенах города, прокламации распространялись. Можно назвать два аспекта этой группировки. Их можно рассматривать, с одной стороны, как “чистых” идеалистов-анархистов, которые считали (как, впрочем, могли думать и другие анархисты), что под давлением военной действительности руководители анархистского движения отдалялись от идейных принципов. Или они могли быть на самом деле агентами противника, замаскированными под анархистов с целью организации беспорядков. Здесь имеет смысл факт, указанный господином Томасом, что “анархисты часто использовались другими организациями”. Тот факт, что они убили Дуррути, может быть объяснён с двух точек зрения.

Что касается официальной версии происшествия, очевидно, что цель убийц — были ли они идеалистами или нет — состояла в срыве плана правительства и коммунистов, который находился в процессе становления. Так, намерение заключалось в воспрепятствовании тому, чтобы люди, и особенно бойцы на фронте узнали правду. Речь шла об элементарном

ответе на провокацию.

С моей точки зрения, господин Мельтцер затрагивает живую точку данной темы, приводя цитату интервью Дуррути с Эммой Гольдман. Она спрашивает, слишком ли он доверяет обстоятельствам (...) Он отрицает это. Однако целый ряд анархистов придерживались обратного мнения. И они также считали, в коротком интервале между интервью и убийством, что Дуррути менял свою позицию в управлении организацией в том, что касалось необходимого сотрудничества с коммунистами, которые, я думаю, обладали в те дни намного большей мощью в рядах вооружённых сил республики, чем предполагает господин Мельтцер».

Версия Антонии Штерн.

Её вариант отличается от всех ранее приведённых и освещает гибель Дуррути в новом ключе, проводя параллели со смертью немецкого коммуниста Ханса Баймлера, убитого неким Ричардом — военным советником, которого навязали «русские военные». Антония Штерн — немка, и нам неизвестно, жива ли она до сих пор. Таинственная гибель бывшего депутата Коммунистической партии чрезвычайно обеспокоила его друзей, а Антония входила в круг наиболее близких к нему людей; она была не только его подругой, но и помощницей. Было известно, что Ханс Баймлер находился в оппозиции к немецкой группе, которая работала в отеле «Колон», Барселона. Причина их разногласий заключалась в том, что Баймлер ставил им в вину бюрократизм их деятельности и неоправданное беспокойство в отношении событий каталонского тыла, вместо того чтобы посвящать себя своим прямым обязанностям, другими словами — борьбе с фашизмом. Антония Штерн провела глубокое расследование обстоятельств гибели Баймлера, и далее мы приводим его фрагменты:

«На могильной плите Ханса Баймлера целый год не было ни надписи, ни даты его смерти, а когда они были сделаны, то не соответствовали истине. Ханс Баймлер погиб в Университетском городке, а не в Каса дель Кампо, которая находилась от места его гибели приблизительно в трёх километрах. С какой целью давались эти фальшивые данные? Быть может, для дезориентации общественного мнения в случае исследований, или же попросту намеревались избежать упоминания Университетского городка. Надо не забывать, что за десять дней до гибели Баймлера именно в том месте был предательски — выстрелом в спину — убит Дуррути.

Являлось ли это воспрепятствованием констатации совпадения? Быть может, оба мотива дополняют друг друга...! (...) Однако это ещё не всё... Истинные друзья Баймлера, которые продолжали говорить и думать о нём, тотчас же оказались в неблагоприятном положении — их начали преследовать...»

Антония Штерн признаёт, что прибыла в Барселону, полностью доверяя официальной версии гибели Дуррути:

«Я хотела собрать свидетельства товарищей - “милисьянос» Ханса Баймлера, чтобы после написать книгу о нём. По приезде в Барселону меня изолировали, и затем начались преследования. Несмотря на самые лучшие рекомендации, пропуска, моя работа, моя

поездка в Мадрид, наконец, всё, что имело отношение к сбору материала для книги, столкнулось с трудностями и запретами. Наконец мне ясно сказали, что я должна отказаться от намерения написать книгу о Хансе Баймлере; но ввиду того, что я не подчинилась приказам партии, меня задержали. Также были арестованы все те “милисьянос”, которые доверили мне свои мнения о Баймлере. Мы никак не могли понять причины этих преследований и того, что любой ценой старались запретить тему о Хансе Баймлере. Мы поняли это, когда узнали, как именно погиб Ханс Баймлер: “Вместе с Хансом Баймлером они задушили революцию. Мы не могли победить, потому что самые лучшие товарищи погибали от рук их же партии”, — сказал мне доверительно один из “милисьянос” Баймлера, которого я недавно встретила»³³.

Моссён Хесус Арналь и журналист Монтото.

Моссён Хесус Арналь более известен на арагонской земле как «секретарь Дуррути» или «поп Дуррути». Когда разразились военные события 19 июля, он был приходским священником, исполнявшим свои духовные функции в одном местечке провинции Уэска, под названием Агиналиу́. Опасаясь за свою жизнь, в первые дни восстания он сбежал или же где-то скрывался. Спустя какое то-время, всё ещё чувствуя себя в опасности, он сменил место жительства и, переезжая из деревни в деревню, прибыл в Кандаснос, где некто Тимотео, член НКТ, убедившись, что не было надобности в казни священника, сделал всё возможное, чтобы спасти ему жизнь, и в конце концов привёл его в колонну «Дуррути», в Бухаралос, где он поступил на должность писаря в Комитете центурий, вместе с Антонио Родой, Хосе Есплугасом и Флоресом. Постепенно Моссён Хесус Арналь стал работать комиссаром роты и секретарём Комиссара дивизии «Рикардо Рионда Кастро» (Рико). Окончилась война, и Моссён Хесус переехал во Францию, но вскоре вернулся в Испанию, где какое-то время пробыл в концентрационном лагере; наконец он вышел на свободу и вернулся к своим прежним функциям священника в посёлке Бальобар (Уэска). Так шли дни за днями «попа Дуррути», вплоть до того момента, когда Моссён Хесус Арналь решил написать мемуары и объяснить, в исторических целях, тайну гибели Дуррути. Едва священник Бальобара публично заявил о своих намерениях, его спокойная жизнь закончилась: началась осада журналистов, кинематографистов и т.д.

По словам Моссена Хесуса, основной целью написания мемуаров было желание оправдать своё пребывание в колонне «Дуррути». Вероятно, эта идея пришла ему в голову в 1967 году, после разговора с одним из кинотехников — Марьяно Пачеко, который был занят на съёмках фильма «Вылазка» (Golpe de mano) в его посёлке. Тот, со слов Моссена Хесуса, попросил рассказать ему об обстоятельствах смерти Дуррути, о которых Пачеко уже знал от Хулио Гравеса, известного водителя Дуррути в момент происшествия. В его рассказе в качестве места инцидента фигурирует Пласа де Монклоа, что, согласно Рикардо Рионде, ошибочно.

Хесус Арналь, наверняка поддавшись влиянию кинематографиста и понимая ценность опубликования версии, которая представила бы гибель Дуррути в ином свете, взялся за мемуары, причём придал этому огласку. Так, в ноябре 1969 года у Хесуса Арналя взяли интервью журналисты из Агентства EFE из Монсона, которые 11 ноября опубликовали репортаж в El Noticiero Universal Барселоны, тотчас же, 30 числа, подхваченном газетой Heraldo de Aragón и печатным органом La Mañana из Лериды 2 декабря 1969 года; затем, 7

июля 1970 года, он был расширен Анхелем Монтото в La Prensa. В упомянутых репортажах особенно отмечена гибель Дуррути, которую Хесус Арналь описывает следующим образом, предваряя рассказ словами: «Перед тем как подъехать к международному мосту, отделяющему Францию от Испании, Рико (Рикардо Рионда Кастро) сказал нам:

— Сейчас вы узнаете правду о смерти Дуррути. Я всегда вам говорил, что это тайна и что мы поклялись не разглашать её в силу политических причин и потому, что считали: эта смерть недостойна Дуррути. Прибыв в Университетский городок и перед тем, как приступить к делу, водитель Хулио припарковал машину прямо у бордюра дороги. Это был авто марки “Испано” с откидным верхом, мы его пригнали из Бухаралоса. У Дуррути в руках был ручной пулемёт, известный как “наранхеро”, короткоствольный; именно такой, — говорит он мне, — какой ты сейчас несёшь для сдачи жандармам. (Такое оружие во время войны было у Альфредо, охранника его отца.) Нагнувшись, чтобы выйти из автомобиля, Дуррути попытался поставить “наранхеро” на бордюр тротуара, и при столкновении предохранитель не сработал — раздался трагичный выстрел».

Спустя несколько дней после публикации репортажа Хесус Арналь пишет: «Перед дверью моего прихода остановился автомобиль, из него вышли один сеньор, сеньора и маленький ребёнок. Войдя ко мне в кабинет, сеньор обратился ко мне:

— Я из Барселоны. Я приехал познакомиться с вами и узнать, как вам удалось узнать правду о смерти Дуррути.

Я спокойно рассказал ему мою версию и указал на источники информации, а он мне говорит:

— Я один из тех, кто был тогда в том автомобиле. Я не разрешаю вам разглашать моё имя; в крайнем случае можете указать мой псевдоним — “Рагар”. — Он показал мне документы, удостоверяющие его личность. — Вы правы за исключением небольших деталей, которые не меняют сути дела. Авто был марки не “Испано”, а “Бьюик”; “наранхеро” ударился не о бордюр тротуара, а о подножку машины; и, наконец, Рикардо Рионды Кастро (Рико) не было в автомобиле — в нём находились Бонилья и Мансана. Не знаю, как Рико смог узнать обо всём, но правда то, что его там не было. Действительно, несчастный случай произошёл на Пласа де Монклоа, на углу Пасео Росалес, в четыре часа пополудни, 19 ноября 1936 года. Раненого сейчас же доставляют в отель “Ритц” (...). Федерика Монтсени и Мариано Р. Васкес (Марианет) — секретарь Комитета НКТ — взяли с нас клятву о неразглашении».

Показания этого таинственного лица по имени “Рагар” превратили Моссена Хесуса в детектива, потому что его мучили сомнения в отношении рассказа Рионды и повествования “Рагара”.

«Имея такого рода сомнения, — пишет Хесус Арналь, — (...) мы с журналистом Анхелем Монтото принялись опрашивать людей, которые, по нашему мнению, имели достаточно информации о случившемся».

Такое расследование затронуло также врачей: Мартинеса Фрайле, Мануэля Бастоса и Хосе Сантамарию. В результате возникли разногласия между Бастосом и Сантамарией, которые, как мы ранее объяснили, по-разному описывали рану. Но как Хесус Арналь, так и Монтото

оставили для себя версию Сантамарии, потому что именно она подходила для их теории, и это означало для них «провал» как детективов. Последуем дальше.

В намерении продолжить расследование журналист Монтото отбыл в Тулузу, чтобы посетить Федерику Монтсени, а Моссён Хесус поехал в Реальвиль для встречи с Риондой.

«Дон Анхель Монтото посетил во Франции Федерику Монтсени и вернувшись, сообщил мне:

— Она признала, что мы на верном пути, утверждая, что смерть Дуррути произошла в результате несчастного случая.

Однако я не был удовлетворён этим результатом и поехал во Францию, местечко Реальвиль, так как мне стало известно, что там проживал Рико. Встреча была очень тёплой, как между отцом и сыном, и я ему сказал:

— Послушай, Рико, я приехал обнять тебя и твоих родных, но мне также крайне важно выяснить кое-что: гибель Дуррути.

— Я тебе сказал правду, когда мы пересекали границу, другой нет. Но сейчас ты можешь добавить и разъяснить, что меня не было в момент инцидента, но ты знаешь: Мансана и я — больше чем братья, и через десять минут после того я узнал обо всём с подробностями. Я без какого-либо сомнения утверждаю, что смерть Дуррути — несчастный случай (...).

Итак, я считаю, — пишет в заключение Моссен Хесус, — что здесь больше нечего сказать»³⁴.

Версия #1

Зверобой создал 27 июля 2025 14:11:24

Зверобой обновил 27 июля 2025 14:21:25